

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена

Université de Genève

Международный благотворительный фонд им. Д. С. Лихачева

АНО «Поддержка культурного наследия»

Федеральное агентство по культуре и кинематографии

Комитет по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга

Петербургский институт нудайки

МОРТИРА И СВЕЧА

Материалы международной летней школы по авангарду,
посвященной столетию со дня рождения Даниила Хармса

Научный редактор *Александр Кобринский*

Поселок Поляны Уусикирко Ленинградской области
2005

«Орфографический сдвиг» в стихотворениях Даниила Хармса для детей (опыт классификации)

В 20-е годы XX века в литературе для детей происходили качественные изменения. С.Я.Маршак, К.И.Чуковский и другие авторы в своих произведениях стали ориентироваться на детское восприятие текста и учитывать особенности речевого мышления ребенка. Среди этих авторов был и Д.Хармс.

В его произведениях, помимо таких традиционных для детской литературы приемов как звукоподражание, многочисленные повторы, близкие рифмовки, ритмичность и общее игровое начало, присутствует также ряд отступлений от орфографической, грамматической и пунктуационной нормы — так называемый «орфографический сдвиг». Возможно ли воспринимать эти явления только как ошибки? Стоит ли обращать на них внимание? Для того чтобы осмыслить и попытаться сформулировать роль ошибки в текстах Хармса необходимо, прежде всего, проанализировать все отступления от нормы; понять, какие факторы имеют значение при подобном анализе стихов, а на какие не стоит обращать внимание. А так же составить классификацию ошибок в детских произведениях Хармса на основе полных сведений.

Известно, что детские речевые инновации могут быть сопоставлены с другими видами словотворчества: окказионализмами в художественной речи. Именно этот способ анализа стихотворных текстов использован в данной работе.¹

Материалом для анализа послужили стихотворения Хармса для детей, начиная с 1928 года, когда он стал сотрудничать с журналом «Еж» (под редакцией Маршака). В соответствии с принципами отбора, произведения можно разделить на 3 группы:

1. Стихотворения, напечатанные при жизни Хармса в детских журналах и отдельных изданиях для детей:

Иван Иванович Самовар, Иван Тапорыжкин, Приключения ежа, «Отчего ты весел, Ваня...», Почему, Театр, О том, как папа застрелили мне хорька, «Кто из вас прочитал...», Га-ра-рап!, Веселые чижи, Миллион, Врун, Миша Гришу вызывает, Влас и Мишка, Сдай в срок, Что

мы заготавливаем на зиму, Крысаков и две собачки, Новый город, Что это значит?, Тигр на улице, Мы спешим сегодня в школу, Из дома вышел человек, Кошки, «Это резвый конь ребенок...», Очень страшная история, Игра, Считалка, Я самый храбрый, Удивительная кошка, В гостях, Песенка про пограничника, Первомайская песня, Бульдог и таксик, Журавли и корабли, Веселый скрипач, Дворник — Дед Мороз, Что это было, «Искала старушка...», Кораблик, Веселый старичок, Станный бородач, Цирк Принтинпрам, Кто кого перехитрил?, «Еду- еду на коне...», Неожиданный улов, «Девять картин...».

2. Стихи, опубликованные как детские в различных сборниках произведений Хармса в собраниях сочинений. «Уж я бегал бегал...», «Видишь, под елочкой маленький дом...», Лыжная прогулка в лес, Ночь, «Буря мчится. Снег летит...», «На Фонтанке 28...», «Профессор Трубочкин, входя...», «Жил-был музыкант...», «Мы забрались в траву...», «На этой странице...», «Жил на свете...», «Как-то жил один столляр...», «Машинист трубит в трубу...», «Ну ка Петя, ну ка Петя...», Лиса и Петух, «Фадеев Калдеев и Пепермалдеев...», «Человек устроен из трех частей...».

3. Стихи, которые можно отнести к детским по характерным признакам: особая ритмика, определенная рифмовка, характерная размерность, игровое начало, сказочность, звукоизображение, темы животных и отношений детей и родителей: «Сидел в корзине зверь...», «Тогда солдатик маленький...», Скавка, Турка-Турка, Андор, «Шарики сударики...», Разбойники, Умный мальчик и глупый мальчик, «А теперь пришла лисичка...», «В лесу дремучем зайчик жил...», «Шагом шагом шагом шагом...».

Анализ отступлений от грамматической нормы в данных произведениях показал, что все их можно разделить на две части:

I. «Ошибки», которые заметны при слуховом восприятии.

II. «Ошибки», которые не влияют на слуховое восприятие.

I. Ошибки, заметные при слуховом восприятии

Такие ошибки значимы по двум причинам. Во-первых, подавляющему большинству детей стихи читают взрослые. Во-вторых, многочисленные поэтические и творческие вечера, столь популярные в начале XX века (на которых выступал и Хармса), не оставляют сомнения в особой важности акустического момента в стихе (достаточно вспомнить школу так называемой «слуховой филологии», представители которой заявляли, что стихотворение существует только звучащим).

В раздел «слышимых» ошибках попадает как словотворчество «как таковое», так и деформация существующих слов под влиянием различных факторов.

1.1 Словотворчество «как таковое»

Как известно, ребенок до определенного возраста не обращает внимания на то, как говорит он сам, и как говорят окружающие. Переименовая слова, которые он пробует повторять за взрослыми, он не замечает своего словотворчества. Однако уже к трем годам у малыша проявляется интерес к форме слова, словоизобретению, эксперименту со словом. Общие правила, по которым ребенок создает новые словоформы, усваиваются им из взрослой речи быстрее, чем частные случаи словоупотребления или исключения из правил. По мысли Шахнаровича, детские речевые новообразования формируются на основе особых механизмов: они являются следствием функционирования в речи детей «моделей-типов», сложившихся на основе генерализации языковых моделей.²

Таким образом, маленькому ребенку словотворчество оказывается понятнее и ближе, чем взрослому и, очевидно, что Хармс не мог не учитывать этот факт (пусть даже подсознательно).

Рассмотрим следующие примеры:

*но это было все не то
когда сам сын, вернее мяч
летел за ними импопутный
подпрыгнет около румяч
руками склещет у ворот
воздушный голубец
потом совсем наоборот
ложится во дворец...*

(Андор, 1931)

Из контекста понятно, что некий «голубец», у которого есть руки, что-то делает ими у ворот. Следовательно, «склещет» — это глагол, в форме 3-его лица, единственного числа, настоящего или будущего времени, (ср.: «подпрыгнет»), совершенного или несовершенного вида. Акустический образ слова вызывает ассоциацию с существительным «клещи», к которому прибавлена приставка с-. Слово «клещи» вызывает ассоциацию с крепким захватом, зажимом, а так как это инструмент, предназначенный для работы вручную, ничего нелогичного нет в том, что захват происходит именно руками. Акустическая форма слова наводит на мысли о слове «скреплять, скрестить».

Руки тоже можно скрещивать. Таким образом, «склещет» можно интерпретировать как «крестообразно захватывает руками, и зажимает, как клещами».

*...Пряткой будет Женька!
Прячься хорошенько...*

(Игра, 1938)

Слово «прятка» происходит от слова «прятать», или «прятаться». Но из контекста стихотворения следует, что прятка — это тот, кто ищет тех, кто спрятался.³ Странно было бы предположить, что автор не знал слова «искать», но в произведении он изображает детскую игру в прятки. Игра эта знакома детям с самого раннего возраста и именно под названием прятки, а не, допустим, «искалки». Ребенок может не знать или не помнить слова «искать», или у него еще не закреплена оппозиция «прятать-искать». Поэтому он может употребить слово, производное от действия, которое он хорошо понимает и слова, которое он научился употреблять по модели субстантивации (в данном случае, с помощью суффикса -к-). С.Н.Цейтлин отмечает: «Давая собственное наименование явлению, ребенок опирается на те признаки, которые кажутся ему наиболее существенными. При этом устанавливаются связи с действием, предметом, признаком; соответственно детская инновация оказывается словообразовательно соотносенной с глаголом, существительным, прилагательным».⁴ Это словообразование может служить примером для подтверждения этого наблюдения.

1.2 Словотворчество + ассимиляция

В стихах Хармса нередко наблюдаются случаи создания нового слова или словоизменения под влиянием узкого контекста. Например, при рифмовке слов.

Повышенная чуткость ребенка к поэтической форме отмечается многими авторами, исследовавшими детскую речь. Этому есть и физиологическое обоснование: «...рифма есть побочный продукт этой неутомимой работы ребенка над своим голосовым аппаратом, и продукт чрезвычайно полезный: благодаря ему тяжелая работа ощущается ребенком как игра»⁵, — пишет Чуковский.

*...восемь человек сидят на лавке
вот и конец моей скавке...*

(Скавка, 1930)

Замена звука «з» на «в» продиктована тем же желанием автора соблюсти рифму. В этом случае замена звука хотя и порождает новое сло-

во, но не искажает его смысла, так как соблюдена (хотя и с инверсией) традиционная фольклорная формула «вот и сказочке конец...» Это стихотворение состоит всего из двух строк и, прочитав первую, можно ждать развертывания некоего сюжета или описания, но Хармс обрывает повествование и заканчивает текст. При этом «скавка» выносится в качестве заглавия произведения. Подобное название соотносится и с заголовками более поздних произведений Хармса, в которых тоже присутствуют грамматические искажения: Пиеса (1933), Скаска (1933), Заумная песенка (1935), Сinfония №2 (1941).

1.3 Ассимиляция.

*...тогда солдатик маленький
вздыхает горячо
он с ног снимает валеньки
кладет их на плечо...*

(«Тогда солдатик маленький...», 1930)

Подобное созвучие «маленький — валеньки» (ассимиляция по мягкости) деформирует привычный облик слова, но при этом почти не искажает его звучание, не затрудняет понимание и не влияет ощутимо на рифму. Но такое уподобление облегчает ребенку произнесение. Чуковский приводит пример, взятый из письма женщины, которая сообщала, что ее сын (3,5 г.), воспроизводя по памяти двустипшие «У меня для Петеньки/леденцы в пакетике», мальчик произнес «У меня для Петеньки/леденцы в пакетеньке»⁶. Следовательно, можно предположить, что подобное словообразование является характерным для детского речетворчества.

*...Сидел в корзине зверь
по имени Степан
ты этому не верь
жила была дитя
у ней в груди камыш...*

(«Сидел в корзине зверь...», 1929)

В данном случае существительное среднего рода «дитя» употреблено в форме женского рода. При этом в следующей строчке род подтверждается: «у ней». В первых четырех строках слово «дитя» имеет неточную рифмовку со словом «Степан» (и далее со словом «кран») и, возможно, именно этим обстоятельством обусловлен выбор формы, относимой обычно к высокому стилю повествования. А согласование в роде — уподобление возможного системного окончания — о рифмообразующему окончанию — а. Ребенок до определенного воз-

раста с трудом воспринимает категорию одушевленность — неодушевленность, а о существовании грамматической категории среднего рода, а тем более, общего, он даже не догадывается.⁷ В связи с этим у него небольшой выбор: отнести непонятное слово «дитя» к женскому или мужскому роду. Исследователи утверждают, что ребенок очень чувствителен к родовым окончаниям слова и вполне естественно, что слово с флексией — а он может отнести к «женским». Как ребенок, природная тяга которого к системности и парадигмальности речи заставляет его согласовать окончания зависимых слов в соответствии с родом главного слова, Хармс выбирает именно такой способ согласования словосочетания в категории рода.

1.4 Словоизменение для поддержания ритма.

Основа жизни ребенка младшего возраста — действие, движение, ритм. Действие, речь и мышление обнаруживают тесную связь. Этот факт подтверждает филогенезом всего человеческого языка. Ребенок мыслит, благодаря движению. Он сам ритмизирует собственную речь и действия. Чуковский пишет о «мышечном» восприятии стихотворений детьми и замечает: «...стихотворения детей (...) возникают во время прыжков и подсказываний».⁸

... в волоса его вцепился...

(Плих и Плюх, 1936)

В данном стихотворении Хармс употребляет вместо нейтральной словоформы существительного Вин. пад. мн. ч. «волосы» архаичную форму «волоса» в связи с тем, что ударение на третьем слоге позволяет сохранить ритм и размерность. Использование лексики высокого стиля не характерно для детских стихотворений и поэтому обращает на себя особое внимание.

... и долго веселые игра затеяв...

(«Фадеев Калдеев и Пепермалдеев...», 1930)

В данном случае имеет место нетрадиционное для существительных женского рода единственного числа 1-го склонения образование множественного числа с помощью флексии — а (вместо — ы). Здесь можно заметить контекстуальное влияние. Речь в стихотворении идет о прогулке трех персонажей (Фадеева, Калдеева и Пепермалдеева) в лес. Они все вместе совершают немотивированные действия (чесание, лягание, подпрыгивание, сгибание, танцы на траве) и в последнем четверостишии сказано, что они затевают «игра». Количество персонажей позволяет провести аналогию с былинными богатырями, и предположить, что под «играми» имеются в виду молодецкие

(богатырские) игрища (турниры, соревнования, состязания между богатырями). Тогда форма слова в стихотворении является сокращенным вариантом слова «игрища» в целях соблюдения размерности стихотворения.

В этом разделе можно выделить отдельную группу, в которую относятся словесные сокращения или наращения с целью сохранения ритма, ориентированные на разговорный стиль, просторечие. Подобные искажения не характерны для литературных произведений, но маленький ребенок, привыкший к устной форме речи, воспринимает их как естественную речь, и более близкую, привычную и понятную.

*...что собаки-пустолайки
научились летать?
Научились, точно птицы...*

(Врун, 1930)

*...Кто из вас прочитал,
Кто из вас не читал
Приключенья в последнем «Еже»?*

(«Кто из вас прочитал...», 1929)⁹

1.5 Синтетические слова.

Чуковский называет синтетические слова гибридными¹⁰ и описывает это явление так: «...два слова вклиниваются одно в другое так, что в результате получается новое, состоящее из двух частей». ¹¹ Словообразованием в полной мере такие конструкции назвать сложно, поскольку новое слово не выдумывается «из ничего» по какой-либо существующей модели и не появляется посредством деформации «первичного слова».

*...когда сам сын, вернее мяч
летел красивый импопутный...*

(АнДор, 1931)

В данном случае автор не прибегает к контаминации или сокращениям, а просто присоединяет местоимение «им» к прилагательному «попутный» и получает единое определение, свойство мяча. С. Н.Цейтлин пишет: речь — это «...цепочки слогов, так как именно слог — та минимальная произносительная единица, компоненты которой спаяны самым тесным образом. Спаянность звуков в составе слога обусловлена тем, что последняя фаза предыдущего звука накладывается на первую фазу следующего за ним, поэтому разделить их при восприятии звукового отрезка трудно». ¹² Отсутствие опыта ме-

шает ребенку правильно членить слово на слоги, и он часто принимает несколько слов, употребляющихся в близком контексте принимает за одно слова (ср.: «этажерка — та жерка», «на даче — со своей надачи»).

II. Ошибки, не заметные при слуховом восприятии.

«Неслышные» ошибки составляют значительную часть от общего количества отступлений от грамматической нормы в стихотворных произведениях Хармса. Их объединяют две особенности. Во-первых, незаметность их при произнесении вслух. Во вторых, ориентация на разговорность, подчиненность фонетическому правилу написания. Тем не менее, эту группу тоже можно разделить на несколько подгрупп, ориентируясь на тип «ошибки».

II.1 Незнание правил орфографии.

Такого рода ошибки являются типичными для Хармса и повторяются на протяжении всего творчества не только в художественных произведениях, но и прозе, дневниках, записных книжках. При этом они последовательны, не влияют на контекст (или не испытывают влияния контекста), и на интерпретацию произведения.

*...вот и феска, и халат
турка любит шеколад...*

(Турка-Турка, 1930)

*...как шарики летят
и блестят шелестят
и люди тоже
блистят шелестят...*

(«Шарики сударики...», 1933)

«Блестят» — 2 раза, «блестят» — 18 раз.

...вдруг девченка прибежала...

(Иван Иваныч Самовар, 1928)

Отсутствие дефиса/лишний дефис:

*...день и ночь на-чеку
Пограничники!...*

(Песенка про пограничника, 1938)

...Ну ка Петя, ну ка Петя...

(«Ну ка Петя, ну ка Петя...», 1930-е)

II.2 Отделение приставки от корня.

Отделение приставки от корня, по словам К. Чуковского, характерная особенность детской речи: «Любопытная особенность детских приставок: они никогда не срстаются с корнем. Ребенок отрывает их от корня легче и чаще, чем взрослые». ¹³ Ребенок более отчетливо, чем взрослый, чувствует значение корня и синтетичность слова с приставкой. Раздельное написание не только не искажает внутреннюю форму слова (значение, этимологические связи), но и наоборот, усиливает их и подчеркивает.

*...В небо яблоки бросаю
на удачу на авось
прямо в небо попадаю
прямо в облако насквозь...*

(«Уж я бегал бегал бегал...», 1929)

Поддерживается целенаправленность действия (бросания яблок): «в небо», «на удачу», «на авось», «в небо», «в облако». Авось и удача приближаются по смыслу к таким реальным, но, в то же время абстрактным (нельзя потрогать) объектам как небо или облако.

*...а в место носа кран
а в место глаза дырка...*

(«Сидел в корзине зверь...», 1929)

В данном примере семантически можно заменить словоформу «в место» (вместо) предложно-падежной формой «на месте». В таком случае предлог получает буквальное прочтение.

«Горе от ума»

Под таким бытовым названием фигурирует особый тип ошибок, часто встречающийся при овладении письменной речью. Ребенок, до определенного момента (обычно, до поступления в школу) не задумывавшийся над принципами написания слов (орфографическими правилами) вдруг обнаруживает, что очень многие слова пишутся совсем не так, как слышатся. И этот принцип написания настолько прочно закрепляется в голове ребенка, что он начинает применять его к большинству слов (гиперкоррекция). Такой путь развития, при котором ребенок переходит от правильной формы к неправильной, а затем опять возвращается к правильной, получил на Западе специальное обозначение U-shaped development. ¹⁴

*...К домику подходит
на ципочки встает*

*глазками поводит
зайчика зовет...*

(«Видишь, под елочкой...», 1930)

Произносятся после «ц» «ы», автор употребляет «и» по аналогии со словами типа «цирк», «цифра» и другими, которые являются исключениями из фонетического принципа написания.

Изменение орфографической нормы.

... давай мудрецы танцовать на траве...

(«Фадеев Калдеев и Пепермалдеев...», 1930)

... Фадеев с кардонкой Калдеев с часами

А Пепермалдеев с кнотом в рукаве...

(«Фадеев Калдеев и Пепермалдеев...», 1930)

В толковом словаре под редакцией Д.Н.Ушакова, вышедшем в 1934 году, варианты «танцовать-танцевать» и «кардонка-картонка» указаны как равноправные.

Из данного исследования следует, что ошибки не только не мешают ребенку воспринимать и понимать текст, но и, наоборот, актуализируют для него определенные смысловые моменты стиха. Кроме того, ошибки обращают на себя внимание, вызывают смех и желание понять, почему слово написано именно так. Тем самым актуализируются этимология слов, семантические и синтаксические связи. Ф.де Соссюр полагал, что «в языке нет ничего кроме различий»¹⁵, и именно эти различия, отступления от нормы помогают ребенку разобраться в принципах русской орфографии, правилах слово- и формообразования, лучше чувствовать стихотворный ритм и рифму. Родители, наблюдая реакцию ребенка на «ошибки», могут не только вместе с ним играть в языковые игры, но акцентировать его внимание именно на норме, «как должно быть», «как могло бы быть».

В данной работе сравниваются возможности речевых инноваций у детей и принципы образования «неправильных» слов у Хармса. Оказывается, что словотворчество Хармса ориентируется (сознательно или бессознательно) на модели порождения речи у детей дошкольного и младшего школьного возраста. Поэтому у маленьких читателей не возникает проблем и интерпретации инноваций.

Воспринимая стихотворения на слух, ребенок с удовольствием включается в игру с ритмами, рифмами, звуками и смыслами. Любые нелепицы ощущаются ребенком именно как нелепицы, как забава. Он начинает играть со словами и смыслами только тогда, когда полностью осваивает новый для него комплекс понятий. Дети чувствуют

себя в стихотворениях Хармса хозяевами, такими же творцами текста, как и взрослый автор. Об этом же говорит Чуковский: «Полезность подобных стихов очевидна: за каждым «не так» ребенок живо ощущает «так», всякое отступление от нормы сильнее укрепляет ребенка в норме, и он еще выше оценивает свою ориентацию в мире».¹⁶

Возможно, что именно в близости способа порождения стихов Хармсом к особенностям порождения и восприятия стихов детьми и состоит загадка популярности его стихов у детей.

Литература:

1. Д. Хармс. Летят по небу шарики. Красноярск, 1990.
2. Д. Хармс. Полн. собр. соч. Т.3. СПб, 2000.
3. Д. Хармс. Тигр на улице. Стихи, рассказы, цирковое представление. СПб., 1992.
4. Д. Хармс. Цирк Шардам. СПб., 1999.
5. Д. Хармс. Записные книжки. Ч.1,2 СПб, 2002.
6. Выготский Л. С. Мышление и речь. М., 1996.
7. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. М., 1999.
8. Кобринский А. А. Поэтика «ОБЭРИУ» в контексте русского литературного авангарда. М., 1999.
9. Лурия А. Р. Язык и сознание. Ростов-на-Дону, 1998.
10. Слюсарева Н. А. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики. М., 1975.
11. Тынянов Ю. Н. Литературная эволюция. Избранные труды. М., 2002.
12. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок. М., 2000.
13. Чуковский К. И. От двух до пяти. М., 1968.
14. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Шахнарович А. М. Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1979.

Примечания

- ¹ Цейтлин С. Н. Язык и ребенок. М., 2000. С.165.
- ² Шахнарович А. М. Психолингвистические проблемы овладения общением в онтогенезе. М., 1979. С.203.
- ³ В словаре В.И.Даля слово «прятка» также связано с процессом прятанья («прятка» — тот, кто прячет или прячется).
- ⁴ Цейтлин С. Н. Язык и ребенок. М., 2000. С. 170.
- ⁵ Там же. С.391
- ⁶ Чуковский К. И. От двух до пяти. М., 1968. С.380.
- ⁷ Цейтлин С. Н. Язык и ребенок. М.,2000. С.115–116.
- ⁸ Чуковский К. И. От двух до пяти. М., 1968. С. 399.
- ⁹ Но на фоне использования фонетического просторечия для соблюдения ритма можно встретить и абсолютно сознательное словоупотребление, ориентированное на просторечие, не ставящее перед собой целью соблюдение размера или рифмы.

*Профессор Трубочкин, входя:
Здравствуйте ребята!
Здравствуйте ребята!
Здравствуйте ребята!*

*Ребята:
Здрасте профессор!
Здрасте профессор!
Здрасте профессор!*

*Профессор Трубочкин:
Давно мы не видались!
Давно мы не видались!
Давно мы не видались!*

(«Профессор Трубочкин, входя », 1933)

- ¹⁰ Ср.: «слова-чемоданы» Чуковского, «слова-портмоне» Л. Кэрролла.
¹¹ Чуковский К. И. От двух до пяти. М., 1968. С.65.
¹² Цейтлин С. Н. Язык и ребенок. М., 2000. С.66.
¹³ Чуковский К. И. От двух до пяти. М., 1968. С.53–54.
¹⁴ Цейтлин С. Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. М., 2000. С.141.
¹⁵ Слюсарева Н. А. Теория Ф.де Соссюра в свете современной лингвистики. М.,1975. С.71
¹⁶ Там же. С.347–348.